Гэлбрейт Дж. К. Экономика невинного обмана: правда нашего времени. М.: Европа, 2009

В своей последней книге выдающийся американский экономист и государственный деятель, советник президента Кеннеди, Джон Кеннет Гэлбрейт выступает противником «общества потребления», которое, по его мнению, виновно в перепроизводстве товаров в ущерб общественным интересам. Этот влиятельный оппонент монетаристов в среде теоретиков экономического развития показывает, что кажущиеся современным экономистам незыблемыми положения, например, о разнице между «частным» и «государственным» секторами экономики, вовсе таковыми не являются. А глобальный финансовый кризис сделал его мысли и идеи как никогда актуальным.

Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М.: Европа, 2009

Что такое христианство с точки зрения современного марксизма? Известный словенский философ, последователь Маркса и Лакана, обнаруживает в христианстве «скрытое перверсивное ядро» — источник ереси, а также бунтарства против Закона и даже самого Бога, которое превратило сообщество верующих в первую революционную партию, перевернувшую ход человеческой истории.

ISSN 2071-4947

европа

В оформлении обложки использована работа Александра (Шуры) Петрова «Разрушители машин»

ПУШКИН №4, 2009

50 РЕЦЕНЗИЙ НА КНИГИ ПО ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТИКЕ, ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКЕ, СОЦИОЛОГИИ, КУЛЬТУРЕ

ПУШКИН

РУССКИЙ ЖУРНАЛ

О КНИГАХ

№4, 2009

www.russ.ru

ЖЕЛЕЗНАЯ ХВАТКА КОНСЕРВАТИЗМА

КРЮК ПИРАТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

НАШИ ЗАБЛУЖДЕНИЯ ОБ АЗИИ

ПРОВОДЫ «ФИЛОСОФСКОГО ПАРОХОДА»

УСПЕХИ В БОРЬБЕ С ПЛАГИАТОМ

Ничего не предопределено? Все поправимо?

Владимир Попов

Гжегож Колодко. *Мир в движении*. М.: Магистр, 2009. 576 с.

Все наверняка помнят первую фразу романа Толстого «Анна Каренина»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Если же говорить о странах и об их успехах в экономическом развитии, то, похоже, дело обстоит совсем не так: истории «экономических чудес» очень разнятся и порой имеют вообще мало общего. Нередко можно встретить противоречащие друг другу заключения о причинах экономического роста: про одни страны говорят, что источниками их быстрого роста стали либерализация и свободная торговля, а успех других объясняется протекционизмом и промышленной политикой.

Часто дело просто в господствующей идеологии. В 70-е годы прошлого века экономический успех Японии объяснялся специфической структурой экономики, называемой тогда «Japan incorporated» — особыми отношениями между бизнесом и правительством (MITI), между банками и нефинансовыми компаниями (германо-японская кредитно-финансовая система) и между предпринимателями и рабочими (пожизненный наем). Во время стагнации 90-х годов и особенно после азиатского кризиса 1997 года, который не обошел и Японию, эти самые особые отношения стали рассматриваться как неотъемлемая характеристика «приятельского капитализма» (crony capitalism), виновного в застое и кризисе.

Точно так же и во время азиатского кризиса 1997 г. США настаивали, чтобы азиатские страны не национализировали банки, не увеличивали госрасходов и не накачивали денежную массу в обращение, хотя сами в ходе нынешнего кризиса 2008–09 гг. вынуждены были прибегнуть именно к этим рецептам. «Делайте, как мы говорим, а не так, как мы делаем», — так сегодня в США объясняют различие рекомендаций в отношении экономической политики внутри страны и «на экспорт». В начале 90-х годов, пишет об этот Г. Колодко, «западные посланцы путали Будапешт с Бухарестом и Литву с Латвией, но никогда не ошибались в отношении своих интересов» (с. 424).

Но дело не только в господствующей идеологии и даже не в двойных стандартах (что хорошо для нас, то плохо для вас). Возьмем страны с переходной экономикой, какие из них преуспели больше других? Среди лидеров по показателю роста ВВП в сравнении с дореформенным периодом мы видим страны Центральной Европы (Венгрия, Польша, Словения, Словакия, Чехия), успех которых обычно объясняется радикальной либерализацией (шокотерапией) — решительным дерегулированием рынков и цен, макростабилизацией, приватизацией, ликвидацией «мягких бюджетных ограничений», открытостью в отношении внешней торговли и инвестиций, быстрым переходом к консолидированной демократии и членством в ЕС.

Но есть и другие, не менее впечатляющие примеры успешного развития в посткоммунистических странах. В 1989–2008 гг. Туркменистан увеличил ВВП больше, чем Польша, а Узбекистан и Беларусь — больше, чем Венгрия, Чехия и Эстония. Да, страны бывшего СССР в целом испытали более глубокий трансформационный спад, но и скорость экономического восстановления у некоторых из них была завидной. В 2000-08 гг. среднегодовые темпы роста ВВП составили в Азербайджане 16%, в Армении, Казахстане и Туркменистане — более 10%. Между тем демократии в этих странах не так много, а доля частного сектора в Узбекистане и Беларуси до сих пор составляет 45% и 25% соответственно.

Не говоря уже о Кубе, которая все еще, несмотря на все недавние реформы, остается плановой экономикой с общественной собственностью, но растет быстрее, чем другие страны Латинской Америки в среднем, и не испытала сокращения продолжительности жизни, как большинство посткоммунистических стран во время падения производства (сейчас она составляет 78 лет — лучший показатель в мире среди развивающихся стран).

Что же получается? Что одни страны преуспевают благодаря либеральным экономическим рецептам, а другие вопреки?

Стадии развития и экономическая политика

Одно из объяснений того, что к экономическому успеху в разных странах приводит различная экономическая политика, состоит в том, что набор мер «хорошей политики» не универсален, а зависит от обстоятельств. «Стоит… избавиться от универсальных теорий экономического роста и распрощаться с интеллектуальной мечтой вывести, наконец, одну единственную всеохватную формулу», — пишет об этом автор (с. 416). Попросту говоря, в самом об-

Мария Мыслина. Гранаты и физалис у ночного окна. 1970

ПУШКИН №4 2009

щем смысле, что хорошо для развитой страны, не обязательно хорошо для развивающейся. Кажется, и эта идея тривиальна, особенно для неэкономистов, однако экономисты до последнего времени пытались найти универсальные эликсиры роста — конкурентные рынки, свобода торговли, низкая инфляция, частная собственность, защита прав на интеллектуальную собственность…

В последние годы, однако, появилось много работ, доказывающих, что в зависимости от уровня развития (ВВП на душу населения) и качества институтов одна и та же политика может либо способствовать росту, либо тормозить его. Таможенный протекционизм стимулирует развитие в развивающихся странах с относительно хорошими институтами (низкой коррупцией), так как потери потребителя, вынужденного покупать товары по завышенным ценам, перекрываются выигрышем всего общества от экстерналии, получаемой от развития машиностроения или наукоемких производств. А протекционизм валютного курса (накопление валютных резервов) оказывается полезным всем развивающимся странам, даже и коррумпированным, так как занижение курса может иметь тот же экстернальный эффект, что и таможенный протекционизм, но, в отличие от таможенного протекционизма, является неселективной политикой, то есть не требует честного бюрократа для правильного установления пошлин на разные статьи импорта[1].

То же можно сказать и о движении капитала — и краткосрочных инвестиций, и даже прямых иностранных инвестиций: для развивающихся стран, особенно с плохим инвестиционным климатом, положительные последствия (импорт технологии от прямых инвестиций и дополнительное внешнее финансирование от краткосрочного капитала) могут с лихвой покрываться отрицательными — вывозом прибылей и увеличением волатильности роста.

[1] Полтерович В. М., Попов В. В. Эволюционная теория экономической политики. Часть первая. Опыт быстрого развития. *Вопросы экономики*. 2006. № 7.; Часть вторая. Необходимость своевременного переключения. *Вопросы экономики*. 2006. № 8.

Схожим образом обстоит дело и со свободной миграцией рабочей силы: «утечка мозгов» из развивающихся стран подрывает их потенциал роста, но эмиграция неквалифицированных рабочих позволяет сэкономить инвестиции на создание новых рабочих мест и пустить их на повышение капиталовооруженности, а следовательно, и производительности труда. Для развитых стран поэтому выгодна свободная миграция высококвалифицированных кадров,

> Если речь действительно идет об ускорении роста в развивающихся странах, то экономическая политика, во-первых, должна отличаться от той, которую проводят развитые страны, а во-вторых, должна меняться по мере изменения условий

а для развивающихся стран — наоборот, свободная миграция неквалифицированной рабочей силы.

Политические режимы, наиболее способствующие росту, тоже различны для разных условий. Гжегож Колодко ссылается на мнение таких разных людей, как Генри Киссинджер, бывший госсекретарь США, и Вэнь Цзябао, нынешний премьер Госсовета Китая, которые считают, что «если бы в 1989 г. Китай решился на далеко идущую политическую либерализацию, т. е. демократизацию в восточноевропейском или постсоветском стиле (не в североамериканском же), то ни в коем случае не одержал бы успеха в виде небывалого экономического роста» (с. 308).

Демократизация в странах с низким правопорядком, к сожалению, ведет к подрыву институтов, росту неравенства в распределении доходов и к приватизации государства. Особенно тяжелые последствия для экономического роста демократизация имеет в развивающихся странах со слабыми институтами и большим ресурсным богатством).

Стандарты в отношении свободы торговли, защиты прав интеллектуальной собственности, защиты прав человека и демократии или защиты окружающей среды на Западе 200 или даже 100 лет назад были совсем не такими как те, что навязываются сегодня развивающимся странам. А те, что навязываются развивающимся странам объективно, сознают это политики и эксперты или нет, тормозят рост их экономики. Некоторые специалисты сегодня даже обвиняют Запад в том, что он пытается выбить лестницу из под ног стран Юга после того, как сам забрался по этой лестнице на вершину богатства и благополучия путем эксплуатации колоний и детского труда[2].

Короче, если речь действительно идет об ускорении роста в развивающихся странах, то экономическая политика, во-первых, должна отличаться от той, которую проводят развитые страны, а во-вторых, должна меняться по мере изменения условий — приближения к технологической границе, укрепления институтов и правопорядка, роста уровня образования и т. д. Искусство творцов экономической политики как раз и состоит в том, чтобы вовремя переключаться с одной политики на другую, как переключает скорости опытный гонщик на поворотах или как врач меняет терапию по мере выздоровления больного. Теория стадий развития, или, в формулировке Г. Колодко, теория стечения обстоятельств развития, как раз и утверждает, что каждой стране — в зависимости от наличия природных ресурсов, уровня технологии и человеческого капитала, и институционального потенциала — можно прописать один-единственный оптимальный пакет мер экономической политики. Задача экономической науки — найти эти оптимальные сочетания для каждой страны и таким образом заполнить клеточки экономической периодической таблицы.

Нетрудно заметить, что такой взгляд в корне противоречит принципу «one size fits all» (политика на все случаи жизни и все времена), TINA («there is no alternative» — нашей политике нет альтернативы) и идее Вашингтонского консенсуса, которые автор подробно критикует в книге (гл. 6).

[2] Chang, H.-J. Kicking Away the Ladder. Cambridge University Press, 2002.

Правый уклон и левый уклон: в поисках отсутствующего компонента роста

Но даже и странам с одинаковым уровнем развития, со схожими институтами и другими исходными условиями одна и та же политика может быть противопоказана. В первом приближении можно провести различие между экономическими системами с преобладанием госрегулирования и с преобладанием рыночных механизмов. Если для каждого уровня развития (и для других исходных условий) существует оптимальное сочетание рынка и государства, то некоторые страны окажутся «справа» от линии раздела, с недоразвитым государством (Африка южнее Сахары, Латинская Америка, за исключением Кубы, конечно, Южная Азия, СНГ), а некоторые — «слева», с недоразвитым рынком (социалистические страны до перехода к рынку). Если первые страдают в основном от «провалов государства» (state failure), то вторые — от «провалов рынка» (market failure).

Схожую аналогию проводил Василий Леонтьев, когда сравнивал рыночную экономику, в которой производители максимизируют прибыль, с парусным кораблем без руля. Он может быстро двигаться, но неуправляем и может быть выброшен на скалы. Напротив, плановая экономика, в которой прибыль не является стимулом, подобна кораблю без паруса, но с рулем. Ее можно направить в точно заданном направлении, если только она вообще сможет двигаться[1].

Другими словами, реформы, которые требуются для ускорения роста, различны, а, может быть, и прямо противоположны в разных странах. Инженерия экономического роста — как приготовление кулинарного шедевра: все ингредиенты должны быть в точности в правильных пропорциях, если чего-то не хватает, или что-то в избытке, спусковой механизм роста не сработает, «экономического чуда» не случится. Как пишет Г. Колодко, «чудес не бывает, зато бывают счастливые стечения обстоятельств» (с. 436).

[1] Leontief, Wassily. Sails and Rudders, Ship of State // Leonard Silk (Ed.) *Capitalism, the Moving Target*. New York: Quadrangle Books, 1974. P. 101–104.

Для быстрого экономического роста требуется, среди прочего, и материальная инфраструктура, и человеческий капитал, и равномерное распределение земли в аграрных странах, и сильные государственные институты, и экономические стимулы. Если одного из ингредиентов не хватает, если в одно и то же время в одном и том же месте не сходятся все необходимые обстоятельства роста, чуда не произойдет. Д. Родрик, Р. Хаусманн, А. Веласко в известной статье, озаглавленной «Диагностика роста»[2], говорят о «критических ограничениях» на рост, которые для каждой страны разные. Иногда не хватает рыночной либерализации, иногда — сильных государственных институтов, а иногда — человеческого капитала.

Почему экономическая либерализация «сработала» в Центральной Европе и «не сработала» в 80-е годы в Латинской Америке, а в 90-е — в Африке? Потому что в Центральной Европе для роста не хватало именно либерализации, тогда как критическим отсутствующим компонентом в Африке и Латинской Америке была вовсе не либерализация, а работоспособные госинституты.

Среди 30 переходных экономик только в нескольких не произошло резкого снижения доли госрасходов в ВВП в 90-е годы — в Эстонии, во Вьетнаме и в странах Центральной Европы (Венгрии, Польше, Словакии, Словении, Чехии); менее резко, чем в других странах, снизилась доля госрасходов в ВВП в Узбекистане и Беларуси. Все перечисленные страны обнаруживают и самую благоприятную динамику ВВП: в Центральной Европе в 2000 году ВВП превысил предкризисный уровень 1989 года. Узбекистан, Беларусь и Эстония (именно в этом порядке) к 2000 году ближе других бывших советских республик подошли к восстановлению предкризисного уровня производства, во Вьетнаме трансформационного спада вообще не было.

Возможны три типа изменения доли госрасходов в ВВП, примерно совпадающие с тремя основными моделями перехода к рынку. При *сильном авторитарном режиме* (Китай) сокращение госрасходов относитель-

[2] Rodrik, Dani, R. Hausmann, A. Velasco. Growth Diagnostics. 2005. http://ksghome.harvard.edu/~drodrik/barcelonafinalmarch2005.pdf

БИБЛИО-ГЛОБУС
Ваш главный книжный
200 тыс. наименований книг и учебников
Фильмы, музыка, обучающие программы
Антиквариат и коллекционные товары
Канцелярские и офисные товары
Интернет-магазин www.bgshop.ru
Встреча с писателями и читательские клубы
Комплектование библиотек
Литературный клуб-кофейня
Детский клуб «Библиоша»
Билеты в театры, на концерты
Библио-Глобус туроператор www.bgoperator.ru
Москва, ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1;
(495) 781-19-00 www.biblio-globus.ru

но ВВП происходило за счет обороны, субсидий и инвестиций, тогда как расходы на «обычное правительство» (включающее в себя все остальное — от образования до правоохранительных органов) росли примерно тем же темпом, что и ВВП. При *сильном демократическом режиме* (Польша) госрасходы на «обычное правительство» и другие функции, хотя и снизились накануне перехода к рынку, (т. е. когда прежний авторитарный режим разваливался), во время самих рыночных реформ даже несколько возросли. Наконец, при *слабом демократическом режиме* (Россия) сократились по отношению к ВВП не только расходы на оборону, субсидии и инвестиции, но также и расходы на «обычное правительство», что привело к подрыву институционального потенциала государства.

Да, верно, что в Китае расходы на «обычное правительство» в процентах к ВВП в середине 90-х были ниже, чем в Польше и в России, но они были такими и до реформ (1978 г.), так как расходы на социальное обеспечение из бюджета там были традиционно низки. Верно и то, что в России уровень расходов на «обычное правительство» был в середине 90-х не намного ниже, чем в Польше. Однако динамика этих расходов в *реальном исчислении* разнится кардинально: если в Польше, где в 1996 году ВВП превысил предкризисный уровень, реальные расходы на «обычное правительство» в 1989–1996 годах выросли примерно на треть (в Китае они, кстати сказать, в 1979–1986 годах почти удвоились), то в России, где ВВП в 1996 году едва дотягивал до половины предкризисного уровня, реальные расходы на «обычное правительство» снизились почти в 3 раза! Надо ли говорить, что такое резкое снижение реальных объемов финансирования привело к фактическому разрушению старых государственных институтов и не оставило средств на создание новых.

Теневая экономика, составлявшая при Брежневе, по самым щедрым подсчетам, 10–15% ВВП, выросла до 50% ВВП. По уровню коррупции в 1980–85 гг. Советский Союз находился в середине списка из 54 стран, обладая более чистой бюрократией, чем Италия, Греция, Португалия, Южная Корея и практически все развивающиеся страны. В 1996 г., после утверждения рыночной экономики и победы демократии, Россия в этом же списке из 54 стран заняла 48 место между Индией и Венесуэлой.

Существует явная отрицательная корреляция между динамикой производства во время перехода к рынку и снижением доли госдоходов в ВВП: чем большим было падение государственных доходов, тем ниже был ВВП в 1996 году в сравнении с дореформенным уровнем. Еще более тесная связь наблюдается между динамикой инвестиций и госдоходов. Интерпретация этой зависимости после всего сказанного вряд ли может вызывать сомнения: подрыв финансовой мощи государства ведет к коллапсу институтов, что в свою очередь подавляет экономическую активность и угнетает инвестиции.

Либерализация без подрыва институтов

А почему либерализация «сработала» в Китае в 80-е годы? Потому что в Китае уже были налицо все предпосылки роста, созданные за три десятилетия коммунистического развития (1949–79 гг.). Именно на этих достижениях правления Мао и зиждился успех экономических реформ Дэн Сяопина, тогда как экономическая либерализация стала только последней каплей, наполнившей чашу[1]. Остальные ингредиенты роста, и прежде всего сильные институты и человеческий капитал, уже были в наличии. Без этих ингредиентов либерализация закончилась бы всеобщим развалом, как в Африке.

Таких сильных государственных институтов, которые были построены КПК за первые 25 лет пребывания у власти (1949–76 гг.), в Китае не было как минимум с середины XIX в. (после «опиумных войн») — ни при императорах, ни при Гоминьдане (1912–49 гг.), их создала только компартия, часто авторитарными методами, но создала, взяв под контроль всю национальную территорию, прекратив внутренние войны и распри, снизив преступность до одного из самых низких уровней в мире. Впервые в китайской истории власть дошла до каждой деревни и до каждого крестьянина, так как КПК опиралась на сеть сельских ячеек и могла росчерком пера в центре менять направление движения огромной страны — такая властная вертикаль не снилась не то что Путину, но даже и Цинь Шихуанди.

В XIX веке центральное правительство Китая не могло собрать налоги в объеме более 3% ВВП против 12% ВВП в Японии сразу же после революции Мэйдзи; при Гоминьдане налоговые сборы возросли, но незначительно, составляя не более 5%, — центральное правительство тогда не могло сыграть заметной роли в экономике, даже если бы захотело — у него просто не было денег, государственные инвестиции в инфраструктуру в тот период вообще отсутствовали. Центральное коммунистическое правительство Китая начало с доходов, эквивалентных 5% ВВП в начале 50-х годов, а оставило центральную государственную казну команде реформаторов во главе с Дэн Сяопином в 1978 г. с доходами 20% ВВП[2].

Теневая экономика в Китае практически сошла на нет, а уровень коррупции в 1985 г. был одним из самых низких в развивающемся мире. В период правления Мао, в ходе «самого великого массового образовательного эксперимента в мировой истории», уровень грамотности в Китае вырос с 28 % в 1949 г. до 65 % к концу 70-х (в Индии — до 41 %).

Короче, в Китае к концу 70-х было все, что нужно для экономического роста, кроме экономической либерализации, которую, к слову бу-дет сказано, провести намного лег-че, чем создать сильные институты. В этом отношении Китай был по-хож и на страны Восточной Европы, и на страны бывшего Советского Сою-за, где и человеческий капитал и институты, доставшиеся в наследство от прежней коммунистической системы, были, что называется, на уровне.

Секрет китайского успеха состо-ит в том, что экономическая либерализация там не сопровождалась разрушением госинститутов, как это произошло в большинстве стран бывшего СССР. Бесценное наследие «великого кормчего» в виде эффективных госинститутов — способности государства проводить в жизнь свои законы и предписания — в Китае не растранжирили, как у нас, а бережно сохранили: несмотря на рост доходного неравенства и преступности в ходе экономической либерализации, институциональный потенциал китайского государства остается на высоте, не досягаемой для большинства стран мира.

Наша экономическая либерализация — в России и СНГ, к сожалению, сопровождалась подрывом государственных институтов — доля госрасходов в ВВП резко снизилась, эффективность расходования средств упала, так как коррупция возросла. Снижение доли госдоходов и расходов в ВВП практически везде сопровождалось повышением удельного веса теневой экономики.

Сохранение большого государства в переходный период, разумеется, не может быть абсолютной гарантией благоприятной динамики производства (нужны еще и другие условия, в частности, эффективное расходование государственных средств). Однако резкое сокращение госрасходов — верный путь к коллапсу институтов и глубокому падению производства, сопровождающемуся углублением социального неравенства и макроэкономическим популизмом.

В общем, история провалов и успехов переходного периода предстает фактически отнюдь не как история последовательных (успешных) и непоследовательных (неудачных) реформ. Главный сюжет «романа» постсоциалистической трансформации — сохранение дееспособных институтов в одних странах (очень разных по прочим своим характеристикам, от Центральной Европы и Эстонии до Китая, Узбекистана и Беларуси) и их развал в остальных. И Китай и Центральная Европа смогли сохранить сильные институты при экономической либерализации, а Россия «выплеснула ребенка из ванны вместе с водой», подорвав институциональный потенциал государства на многие годы, а то и десятилетия вперед.

Каков же прогноз на будущее? «В конце XIX века парижан пугали тем, что темп роста парка конных экипажей вскоре превратит Париж в одну большую конюшню», — пишет Г. Колодко (с. 60). Таких примеров наивных прогнозов из прошлого в книге множество. Почему футурологи постоянно ошибались? «Чего им не хватало — знания или полета фантазии?» — спрашивает автор. — Возможно и того и другого, но прежде всего — понимания сущности максимы, что все происходит так, как происходит, потому что многое происходит одновременно (с. 61). Другими словами, частные тенденции в каждой конкретной области предсказать возможно, а вот как они пересекутся, как наложатся друг на друга, и когда именно, совсем не ясно. В общем, стечение обстоятельств.

Сам Г. Колодко посвящает прогнозу на 100 лет вперед целую главу. «Полет из Москвы в Сан-Франциско будет занимать полтора часа, — предсказывает автор. — Путь до аэропорта и таможенный досмотр займут больше времени, чем путешествие через два континента и разделяющий их океан» (с. 532). Да? А вдруг таможен больше не будет? ■

Мария Мыслина. Старое дерево. 1968

[1] Это верно и в отношении Индии, хотя и в меньшей степени: реформы начала 90-х привели к ускорению роста так как базировались на достижениях периода госпланирования и импорт-замещения (Deepak Nayyar. India's Unfinished Journey. Transforming Growth into Development. — *Modern Asian Studies*. Vol. 40. № 3. July 2006).

[2] Aiguo Lu. *China and the Global Economy Since 1840*. New York: St. Martins Press, 1999.